

Я. Новикова

СКАЗКА В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ: ЮРЬЁ КОККО «ПЕССИ И ИЛЛЮЗИЯ» (1944)

В статье рассматриваются особенности финской детской литературы в годы Второй мировой войны на материале сказки Юрьё Кокко «Песси и Иллюзия» (*Pessi ja Illusia*, 1944). Основное внимание автор уделяет поэтике произведения и его месту в культурно-историческом контексте.

Ключевые слова: детская литература, финская литература, литературная сказка, Юрьё Кокко.

Военное время предложило развитию детской и молодежной литературы Финляндии новые стимулы и вызовы. Мэтры детской литературы, такие как Арвид Людекен (1884–1960), Анни Сван (1875–1958), Мэри Марк (настоящее имя Керсти Бергрот) (1886–1975) и Айли Сомерсало (1887–1957), на тот момент больше уже не создавали значительных произведений, но их творчество еще долгое время находилось в поле зрения благодаря переизданиям их известных книг [Heikkilä-Halttunen 1999, s. 133].

Исключительные условия породили приход в детскую литературу случайных авторов, которые писали для различных литературных конкурсов в надежде получить денежные премии. Военное время обусловило существенное ограничение ассортимента потребительских товаров, выразившееся, в том числе, и в дефиците детских книг. В этой связи возник повышенный спрос на издания для детей и юношества, особенно если они были снабжены яркими иллюстрациями. В таких условиях начинающим писателям не всегда хватало терпения отшлифовать свои тексты, т. к. они годились для издательств и читателей и в необработанном виде. Писавшие для молодежи (в том числе, и под множеством псевдонимов) Каарло Нуорвала (1910–1967, псевдонимы К. Руовала, Рейно Аррас) и Олави Линнус (1914–2000, псевдонимы, Рекс Дэвис, Гил Денник) являются яркими примерами успешных писателей, порожденных исключительными обстоятельствами [Heikkilä-Halttunen 1999, s. 133]. Обширное творчество Нуорвалы включает пользовавшиеся спросом приключенческие и детективные романы,

а также книги для девочек, целью которых было подготовить целевую аудиторию к материнству и семейной жизни. Популярности писателя способствовала не только его литературная продуктивность — только в 1945 г. Нуорвала опубликовал 27 книг, — но и работа в киноиндустрии. Писатель, переводчик, поэт-песенник и сценарист Олави Линнус также был известен своими детективными романами, а в 1943 г. написал сценарий для политического короткометражного фильма «Железный народ» (*Raudan kansaa*). Разностороннее творчество в основном развлекательного характера, адресованное различным категориям читателей и зрителей, обеспечило авторам успех в кризисные военные годы.

Динамика издания произведений детской и молодежной литературы в 1940–1950-х гг. совпадала с тенденциями развития художественной литературы в тот период в целом. Военное время не особенно обременило налогами довольно малочисленную детскую и молодежную литературу. Начало войны незначительно сократило ежегодный объем издания художественной литературы для детей (около ста наименований детских книг в год), но в дальнейшем тенденция характеризовалась постоянным подъемом, несмотря на кризисные времена. В 1944–1948 гг. ежегодно публиковалось 250–300 наименований финской и переводной литературы для детей и юношества. В 1949 г. это количество сократилось на треть, но к началу 1950-х гг. ежегодный выпуск детской и молодежной литературы возрос и на протяжении всего десятилетия оставался в среднем на отметке немного более 300 наименований в год [Heikkilä-Halttunen 1999, s. 133].

Интерес писателей и всего общества к детской и молодежной литературе в Финляндии варьировался в зависимости от социокультурной ситуации. Когда значение этих изданий как инструмента национального воспитания уменьшилось к концу XIX в., уменьшился также интерес к ним издателей и авторов, создающих детскую литературу. Детская и молодежная литература вплоть до начала 1950-х гг. была отмечена печатью практического назначения. Воспитательные, дидактические, а в военное время и пропагандистские задачи были первостепенными, и лишь во вторую очередь внимание уделялось эстетической ценности произведений. Только начиная с 1949 г. детскую и молодежную литературу в источниках национальной библиографии стали считать частью художественной литературы — до этого она классифицировалась как «педагогические материалы» [Heikkilä-Halttunen 1999, s. 133].

В военные годы была заложена основа современной финской детской литературы. Старая традиция дидактической сказки с религиозным уклоном, родоначальником которой был писавший на шведском языке Сакариус Топелиус (1818–1898), уступила место новой литературе для детей и юношества, отражавшей реалии Зимней войны (1939–1940) и советско-финской войны (1941–1944). Патриотическая и воспитательная тенденция, свойственная историческим приключенческим романам 1920–1930-х гг., перешла в произведения, адресатом которых было юношество 1940-х гг. Война предложила новые ролевые ситуации. В детской пропагандистской литературе военного периода маленькие «лотты»¹ и солдаты подвергаются бомбардировкам, оказываются в окружении врага и совершают подвиги [Heikkilä-Halttunen 1999, s. 133]. В книгах, читательской аудиторией которых были мальчики и юноши, особенно подчеркивалась готовность принести себя в жертву на благо Родины. Так, главным героем повести Каарло Нуорвалы «Ординарец» (*Taistelulähetti*, 1941) является сын офицера, мечтающий о том, как погибнет за Родину, будет посмертно награжден и как его мать и отец будут им гордиться.

Финская немногочисленная литература для самых маленьких (книги с картинками) активно использовала военный реквизит для иллюстрирования (как, например, в книге автора К. Й. Сеппяля и иллюстратора Хельги Шёстедт «Наша компания на зимних военных учениях» — *Meidän sakkii talvisotaharjoituksissa*, (1942) и в книге Арнольда Тильгманна «Бравый солдат Типу» — *Urhea Tipu Sotilas*, (1943) [Heikkilä-Halttunen 1999, s. 134].

Вышедшая летом 1944 г. сказка ветеринара и защитника природы Юрьё Кокко (1903–1977, род. в г. Сортавала) «Песси и Иллюзия» (*Pessi ja Illusia*) своим большим успехом у современников и последующей славой обязана в первую очередь взрослым читателям. Издательство WSOY (Werner Söderström Oy) выпустило книгу в формате большого подарочного издания, и 40 000 экземпляров были проданы в течение двух недель сразу после появления сказки в магазинах в 1944 г. А в 1948 г. вышло уже шестое издание книги «Песси и Иллюзия».

Книга «Песси и Иллюзия» стала центральным произведением послевоенного поколения, частью памяти нации, а Юрьё Кокко — финским классиком жанра [Heikkilä-Halttunen 1999, s. 134; Saukkoripi 2010, s. 138]. Книга была популярна на протяжении длительного времени, в особенности в 1950-х гг., в период обновления

сказочной традиции, когда сказка начала объединять реальность и вымысел и снова стремилась приблизиться к восприятию пространства финского леса в мифологическом ключе [Heikkilä-Halttunen 1999, s. 134]. Лес вновь оказывается населен языческими божествами, а элементы его универсума (деревья, травы, водоемы и пр.) обладают целебными свойствами, как это было описано еще в национальном эпосе «Калевала».

Традиционно природа трактуется в финской литературе как друг, готовый дать убежище в моменты личных несчастий и общественных катаклизмов. В статьях Отдела пропаганды и агитации Финской армии в период Зимней войны лес представлен в качестве союзника солдат. «Финн приходит в лес, как в свой дом», — писал Сакари Пялси (1882–1965) в своем произведении «Традиции жизни охотника» (*Eräelämän perinteitä*, 1944) и демонстрировал, как навыки воюющей в лесу армии являются органической частью финской народной традиции, в которой лес называют «почитаемым источником и защитником жизни» [Lassila 1999, s. 27].

Однако уже в военное время появилась необходимость отделить тему природы от политических аллюзий, вернуть ей невинность и священную нетронутость — качества, которые, по мнению литературоведа Пертти Лассила, традиционно составляли основу романтично-пантеистического отношения финнов к природе [Lassila 1999, s. 27].

Сказка «Песси и Иллюзия», проиллюстрированная сделанными Юрьё Кокко фотографиями флоры и фауны Карельского перешейка, стала самым тиражируемым наглядным примером того, как в литературном произведении природе, оскверненной войной, возвращается ее невинность. «Среди прорванных фронтов, в миг, который предвещал хаос, народ Финляндии обрел сказку, читал сказку!» — вспоминал Кокко в 1964 г. [Lassila 1999, 27].

Сказка о дружбе и любви тролля и девочки-эльфа посреди фронтовых сражений, рассказывающая о диалектике пессимизма и надежды, отвечала общей потребности нации. В стране царило ощущение, что война скоро закончится и многое изменится. Кокко не предлагал пути в мир детского непосредственного восприятия природы, в состоянии утраченной невинности, но напоминал, что вечный микрокосмос природы сильнее хаоса [Lassila 1999, s. 27].

Юрьё Кокко имел литературный опыт еще до создания популярной сказки: в 1932 г. был опубликован его учебник «Домашнее животное. Анатомия и физиология для школ и самообразо-

вания» (*Kotieläin. Anatomia ja fysiologia kouluja ja itseopiskelua varten*), во время войны, в 1941 г. вышла его драма «Поддерживайте огонь. Пьеса с передовой Финской войны 1939–1940» (*Pitäkää tulta vireillä. Näytelmä etulinjalta Suomen sodassa 1939–1940*). Следующее произведение писателя, сказка «Песси и Иллюзия», стало одной из наиболее популярных детских книг в Финляндии [Saukkoniemi 2010, s. 138], продолжающей переиздаваться и в 2000-е гг.

Композиционно произведение состоит из отдельных историй, имеющих свои названия и связанных между собой обрамляющим повествованием. Рассказчик, от лица которого ведется повествование, служит на фронте офицером ветеринарной роты, скучает по своим детям и пишет для них сказку в качестве подарка на Рождество. Троль и эльф появляются на замерзшем лобовом стекле автомобиля рассказчика, когда он возвращается в место дислокации своего военного подразделения из служебной поездки по Карельскому перешейку — так история переносится в мир сказочных существ. Песси и Иллюзия живут поблизости от фронта — по словам автора, «на краю пулеметного гнезда».

Приступая к работе, я решил, что местом действия книги будет фронт. Троль и эльф на фронте! Я был пессимистом, но питал, однако, различные надежды на то, какая удивительная судьба может спасти народ Финляндии. Но как ввести войну и солдат в сказку? Этот вопрос было трудно решить. Все это должно прийти естественно, не насильно и не резко. Мне необходимо было найти тролля и эльфа такими, какими они прятались в глубинах души моих братьев по оружию [Kokko 1964, s. 73].

Разрушительные действия людей приводят к непредсказуемым и чудовищным последствиям, но жители леса, птицы, насекомые и растения образуют свое общество со своими законами. По сюжету сказки Иллюзия должна была носить то же имя, как и ее отец, Иллюзион, но осталась очень маленькой, и имя пришлось сократить. То же произошло и с троллем Песси, отца которого зовут Пессимист. Песси очень удивляется, когда однажды в весенний день неожиданно встречает в своем родном лесу красивую девочку-эльфа. Выясняется, что Иллюзия тайком убежала из дома, который находится на радуге, чтобы исследовать находящийся внизу мир. Песси показывает Иллюзии цветы и лесных зверей. Жизнь на земле вовсе не такая, какой ее описывал своей дочери Иллюзион. Хотя заросший волосами, легко впадающий в уныние Песси

и воздушная, беззаботная Иллюзия являются во многом противоположностью друг друга, они становятся друзьями:

— Слушай, Песси, ты видел свое отражение? — Свое отражение? — удивился Песси. — Да. Ты видел, какой ты? — спросила Иллюзия и поднялась на камешек. — Да я знаю, что очень волосатый, особенно зимой. — Я не это имею в виду. Ты видел свое лицо? <...> Иллюзии удалось снова заманить его на берег ручья и заставить Песси опять посмотреть в воду. — Дотронься теперь пальцем до носа, — сказала Иллюзия. Песси дотронулся до носа, и отражение сделало то же самое. Что бы он ни делал, отражение делало так же. Это было невероятно. Когда Иллюзия сказала, что существо в воде – отражение Песси, то и это было невероятным. Песси захотелось улыбнуться, и отражение улыбнулось, показывая большие красивые белые зубы. Теперь отражение было красивым. — Видишь, какой ты красивый, когда улыбаешься, — сказала Иллюзия² [Kokko 2002, s. 119, s. 122].

Девочка-эльф в восторге от всего, что она видит на земле. На закате радуга исчезает, и Иллюзия больше не может найти дорогу домой. Надо ждать следующего дня. Но лето выдалось очень сухим, и радуга больше не появилась. Последняя надежда на возвращение домой рушится, когда Паук однажды ночью перегрызает крылья Иллюзии. Так он мстит отцу Иллюзии, который в свое время учился в школе лучше, чем Паук. Лето проходит, и приближается зима. У троллей вырастает густая шерсть, и они впадают в спячку. Эльфу помогают перезимовать лесные жители. Они выкапывают для Песси и Иллюзии теплую нору и дают советы о том, как запастись едой. Край сотрясает человеческая война, но лесные обитатели ничего в этом не понимают. Зимовка проходит удачно, а весной рождается Лесная принцесса, ребенок тролля и эльфа без шерсти и без крыльев — новый человек. Двое детей превращаются в двоих взрослых и становятся семьей благодаря появлению ребенка. Сказка становится историей взросления, где поворотный момент — исчезновение крыльев Иллюзии — провоцирует цепь событий, заставляющих оторваться от мира детства и перейти через принятие ответственности в мир взрослых [Heikkilä 2013, s. 12].

Произведение «Песси и Иллюзия» знаменовало начало финского сказочного модернизма. Для модернизма характерно обыгрывание схемы традиционной сказки о животных, в том числе и для выражения сатиры. Например, от лица священного дерева финнов — рябины — автор комментирует отчуждение человека от природы [Saukkoriipi 2010, s. 138]:

Он такой самовлюбленный, думает, что управляет всем миром, что не подчиняется тем же законам природы, законам причины и следствия, как все остальные в мире. Он не знает, что мы, рябины, отомстим ему, не только за себя, но также и за всю природу, которую он покинул. Это святая месть, с помощью которой Святой Дух призывает его в мир красоты [Kokko 2002, s. 202–203].

Кокко изображает войну как выплескивание агрессивной энергии масс, что, по его мнению, является следствием уменьшения жизненного пространства из-за роста населения. Отношение произведения «Песси и Иллюзия» к войне оказывается, однако, неоднозначным, даже противоречивым. По мнению профессора Хельсинкского университета, литературоведа Аули Виикари, «Песси и Иллюзия» — величайший идеологический учебник 1940-х гг. Сказка Кокко была призвана восстановить трепетное отношение финна к природе, что способствовало бы поднятию духа в военных условиях и стимулировало бы стремление солдат защитить свою Родину. Кокко сравнил естественную смерть, регулируемую бесконтрольно размножающийся в природе живой материал, и масштабное истребление человеческих ресурсов на войне. В результате этого сравнения страдания обретают в сказке эффект обновления жизни. Мысль о жертвенности содержит принятие смерти как необходимой части обновления, созидательного разрушения [Saukkoriipi 2010, s. 139]. Идея жертвы одних ради будущей жизни других прослеживается в главе, повествующей о Любопытном Моллюске. Попавшая в раковину Моллюска слеза Иллюзии превращается в жемчужину, которую находит солдат Пиенанен и отдает полковнику, чтобы тот сделал подарок своей жене. Полковник дает Пиенанену отпуск, но солдат погибает за день до отъезда. Жемчужина превращается в украшение на шею женщины.

Кокко сам утверждал, что для него «началом всего является природа». Контактывая с природой, человек получает лучший старт для своей жизни. Из мальчика в произведении «Ожерелье из волчьих клыков» (*Sudenhampainen kaulanauha*, 1951) вырастает в условиях дикой природы «здоровый, жизнерадостный и думающий своей головой гражданин, а никакой не городской массовый человек». Природа заставляет человека оценить собственные внутренние силы и дает новые источники энергии. Согласно Кокко, тоска по природе — это часть человечности: «У меня есть своя идея, которую я здесь преследую. Теория, если так можно сказать. И вот

она — с тех пор как человек создал культуру, он всегда стремится обратно в природу» [Saukkoriipi 2010, s. 139].

Попавшие на фронт или угнетенные войной люди относились к литературной деятельности как к освобождающему переживанию. По словам Юрьё Кокко, «война сделала каждого фронтовика поэтом», т.к. только в одних письмах стихотворений было больше, чем когда-либо, хотя авторы знали, что их произведения могут подвергнуться цензуре. Кокко сам превратился на войне в сказочника. Обстоятельства создания сказки «Песси и Иллюзия» описаны в ее первой главе, которая называется «Исчезнувшие эльфы», и в книге воспоминаний «Война и сказка» (*Sota ja satu*, 1964) [Pilke 2009, s. 284]. В начале сказки автор рассуждает:

Но мне не было достаточно того, что в полях, лесах, озерах и на лугах я видел цветы и животных, чьи названия я знал, и что я мог видеть краски природы и слышать пение птиц. Этого всего, по моему мнению, не хватало для написания такой книги, какую я собирался написать. Надо уметь вглядываться в травы, деревья, заглядывать на дно озера и в пещеры непроходимых гор, достигать вершин освещенных северным сиянием сопек, потому что там много такого, о чем только писатели догадываются и что только дети чувствуют. Только они догадываются о существовании в природе множества эльфов и маленьких троллей и испытывают на природе искреннюю радость, а иногда и ужас, так как они видят в природе судьбу [Kokko 2002, s. 6].

Кокко давно планировал создание литературной симфонии. Под Рождество 1941 г. он ездил с проверкой в качестве военного ветеринара в поселок Кюурёля (в настоящее время — село Красносельское). Ранее он уже путешествовал по Карельскому перешейку, в том числе бывал в Кюурёля, и красота места произвела на него большое впечатление. Приехав в Кюурёля сейчас, Кокко обнаружил, что местная церковь стала объектом артобстрела. Снаряд попал в алтарную картину, и лик Иисуса Христа, изображенный на ней, оказался частично уничтожен, причем осколок гранаты попал в висок изображения Спасителя. Увиденное потрясло Кокко, и когда он на обратном пути заметил группу советских военнопленных, бредущих по дороге, вызванные войной переживания дали начало идее симфонии природы. Образы тролля-пессимиста и эльфа-оптимиста начинают жить в воображении писателя [Korhonen, эл. ресурс].

У Кокко с детства было особенное отношение к природе. Он чувствовал непосредственную связь с животными и растениями,

и ему казалось, что он понимает их язык. Став старше, он четко знал, как можно с помощью фотографий поймать сущность этих образов. Знакомый по обложке книги образ Иллюзии возник благодаря применению метода коллажа к фотографии дочери писателя Ами и изображению крылатого насекомого [Korhonen, эл. ресурс].

Кокко писал и фотографировал свою сказку три года посреди фронтовой действительности. Жизнь в сказочном мире помогла Кокко выстоять, но война придала книге странную атмосферу нависшей катастрофы, хотя история заканчивается счастливо — рождением бесхвостого и бескрылого ребенка Песси и Иллюзии, т. е. человека [Korhonen, эл. ресурс].

Повествование об эльфе и тролле Кокко начал в канун Рождества 1941 г. Изначально предполагалось, что история будет размещена в семейной рождественской газете, которую автор хотел послать домой детям. Сказка на девяти листах родилась за одну ночь в блиндаже, когда Кокко был на ночном дежурстве. Наутро Кокко прочитал сказку офицерам, жившим с ним в одном помещении, после чего соратники захотели сделать из газеты общую рождественскую газету ветеринарной роты. Позже Кокко продолжил сочинять свою сказку. Писатель рассказывал, что оставался на войне спокойным именно благодаря тому, что занимался литературным творчеством [Pilke 2009, s. 285].

Издатель получил рукопись Кокко в октябре 1943 г. и высказал пожелание, чтобы произведение попало в продажу уже на Рождество. Однако выпуск отложили до весны, так как издатель предлагал изменить название и сомневался в уместности фотоиллюстраций. Но писатель настоял на своем, от рисованных иллюстраций он отказался и название осталось прежним. Только изначальное имя девочки-эльфа Иллюзио было изменено на женское Иллюзия. Сказка, фреймовой рамкой событий которой является война, была представлена как произведение, создававшееся во фронтовом блиндаже, что сразу покорило как читателей, так и критиков. Вышедшая в июле 1944 г. книга Кокко в том же году выдержала еще четыре издания [Pilke 2009, s. 285].

Финский поэт и теоретик литературы Вейкко Коскенниemi (1885–1962) считал, что произведение «Песси и Иллюзия» было «... несравненным образцом того духа, который царил среди лучших представителей военных кадров огневого фронта и который утверждает посреди убожества времени такую силу и красоту духа, которые знаменуют вечную славу нашей армии». По его мнению,

сказка встанет «в один ряд с лучшими лирическими произведениями» из сборника поэзии фронтовиков «Отсюда откуда-то» (*Täältä jostakin*, 1944). Коскенниemi, который был членом правления издательства WSOY, объявил издателю, что «за этого человека надо держаться обеими руками», имея в виду Юрьё Кокко. Писатель сам удивлялся тому, что совершенно незнакомые люди присылали ему длинные письма, в которых рассказывали об очень личных вещах, потому что сказка произвела на них такое большое и глубокое впечатление [Pilke 2009, s. 285].

Критики тоже были очарованы. «В лице произведения Юрьё Кокко сад финской литературы получил новый красивый и ароматный цветок. Биологическая сказка — редкий, требовательный жанр, который нечасто встречается даже в больших цивилизованных странах», — восхищался Рейно Каллиола в журнале *Suomalainen Suomi* («Финская Финляндия») в 1944 г. Большинство критиков воспринимали сказку Кокко как произведение для детей, однако отмечали, что книга привлекает и взрослых, которые, возможно, получали от нее даже больше удовольствия, чем дети [Pilke 2009, s. 285].

Военный фон, на котором развиваются события сказки, дал основания некоторым критикам считать книгу данью уважения финскому солдату. Газета *Turun Sanomat* («Вести Турку») в 1944 г. писала: «Наша сказочная литература и — хотелось бы сказать — военная литература получили значительное, уникальное пополнение» и отмечала, что описание гибели в книге «не приукрашено красивое и впечатляющее проявление уважения по отношению к простому финскому солдату» [Pilke 2009, s. 285–286].

Сказка «Песси и Иллюзия» вызывала у читателей интерес и после войны. Писатель и журналист Кауко Каре (1914–1996) считал произведение «самой привлекательной историей десятилетия» и утверждал, что именно на фоне места рождения сказки, фронтового блиндажа, «утонченная рациональность этого поэтического сборника сказок чувствуется в два раза глубже» [Pilke 2009, s. 286].

Сам Кокко отмечал по этому поводу: «Я часто думал до армии, что надо бы написать для детей сказку о природе, которая, как я считал, была хорошо мне знакома. Есть в этом определенная странность, что необходимы были разрушенная войной церковь, серо-коричневая, безутешная толпа пленных, морозный вечер, грохот пушек и огонь артиллерии, прежде чем родилась лирическая и философская “мелодия” моей сказки.» [Kokko 1964, s. 43]

Сказка «Песси и Иллюзия» вышла во время Выборгско-Петрозаводской операции — стремительного наступления советских войск в Карелии, продолжавшегося с 10 июня по 9 августа 1944 г. и окончившегося выведением Финляндии из советско-финской войны. Волнующийся по любому поводу, заранее унывающий Песси и всегда надеющаяся Иллюзия отражали как усталость от войны самого Кокко, так и чувства большинства финнов от затянувшейся войны. Книгу сразу начали переиздавать, и ее читали в домах и блиндажах по всей Финляндии [Korhonen, эл. ресурс]. Более подробно о происхождении образа тролля Песси Кокко рассказал в книге «Война и сказка» (*Sota ja satu*):

Соратники, казалось, интересовались во всей газете только моей сказкой. У меня спрашивали, не позаимствовал ли я ее из какой-нибудь книги сказок, и многие из них не хотели верить, что я придумал ее сам.

Действительно! Если бы я не прочитал мнение немецкого полковника о дальнейшем ходе войны, я, возможно, не нашел бы Песси. По крайней мере, таким, каким он является в окончательном произведении. Мой пессимизм к ходу войны породил в качестве противоядия юмор в натуре Песси. Мое представление о том, что война будет продолжаться долго, навело меня на мысль попробовать в качестве времяпрепровождения свои силы в литературной деятельности. И я решил сделать из этой сказки целую книгу сказок. Ведь в ней уже была готова «философская тема», борьба между моим пессимизмом и обнадеживающим оптимизмом [Kokko 1964, s. 48].

Книга получила Государственную литературную премию в 1945 г. Сказка вдохновила на создание новых версий произведения: по ней были поставлены балетные и театральные спектакли, сняты фильмы. Интересно, что в Японии по мотивам сказки были выпущены комиксы. В Национальной опере Финляндии в 1952 г. был поставлен спектакль по сказке «Песси и Иллюзия», где в качестве дизайнера костюмов была привлечена Туве Янссон. Она приняла приглашение, но между ней и писателем Юрьё Кокко возникли разногласия. В последний момент Кокко потребовал больших изменений в «национальную» сторону. Разногласия были такими глубокими, что Янссон выдвинула требование, чтобы ее имя вообще не фигурировало в проекте. В целом постановка не снискала успеха [Karjalainen 2013, s. 167].

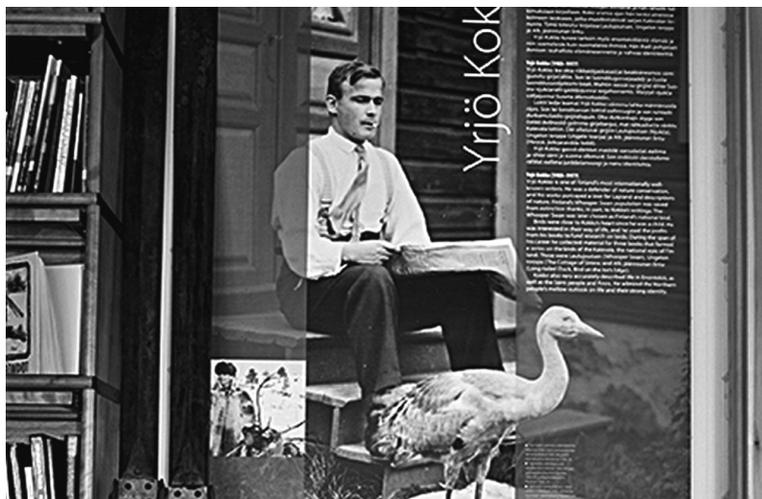
Кокко чувствовал, что в нем одновременно живут чиновник и писатель. В образе его творческого alter ego Тиити противопоставлены карьеры художника и буржуа. Тиити — главный герой книги

«Лебедь-кликун. Птица Ultima Thule» (*Laulujoutsen. Ultima Thulen lintu*, 1950), отправившийся вместе со своим проводником Ниуниу (полицейский Суло Рова из коммуны Энонтекиё) на поиски лебединого гнезда в безлюдные края Северной Лапландии. Тиити — это импульсивная сила, которая заставляет чиновника заниматься литературной деятельностью, мотивы которой для Кокко конкретны: рождественский подарок детям, забота о саамской культуре, охрана природы. В произведении «На перекрестке четырех ветров» (*Neljän tuulen tiessä*, 1947) Кокко пишет о силе литературы: «Магия книги в магии ее слов, которые расширяют и изменяют сознание читателя». Вера в силу слова не была беспочвенной, т.к. по крайней мере произведение Кокко «Лебедь-кликун. Птица Ultima Thule» внесло решающий вклад в спасение лебедя-кликунa от вымирания [Saukkoriipi 2010, s. 139].

В книгах Кокко переплетаются изображение и текст. Кокко был фотографом-самоучкой, но превратился со временем в первопроходца съемки дикой природы в Финляндии.

Юрьё Кокко относится к писателям, воспевавшим Лапландию. Он ценил саамскую этику, которая подразумевает экологическое отношение к используемым природным ресурсам. С другой стороны, он считал, что, когда в лапландских землях построят дорогу, жизнь там неизбежно изменится. Подобно писателям Самули Паулахарью (1875–1944) и Эрику Терману (1906–1948) Кокко занимался творчеством для того, чтобы сохранить под натиском модернизации хотя бы что-то от исчезающей культуры [Saukkoriipi 2010, s. 140]. После войны началось масштабное восстановление и развитие страны, расселение переселенцев, возведение жилья для фронтовиков. Выплата Финляндией больших репараций Советскому Союзу продолжалась до 1952 г. Побочным эффектом выплаты репараций было то, что Финляндия стала индустриальной державой. В произведениях Кокко действительно заметно напряжение эпохи послевоенной индустриализации и урбанизации Финляндии, проявляющееся в тоске по дикой природе, от которой современный человек неумолимо отдалялся. Кокко, однако, не считал развитие как таковое плохим, но его заботило направление этого развития [Saukkoriipi 2010, s. 140].

Сказка «Песси и Иллюзия» вышла в 1940-е гг., ознаменовав себя переломом в традициях финской прозы. Направление этих изменений наиболее явственно прослеживается в историческом романе-бестселлере Мика Валтари (1908–1979) «Синухе, египтянин»

Библиотека Юрьё Кокко в центре Северной Лапландии в коммуне Энтонтекиё — дань уважения спасителю лебедя-кликлуна, ветеринару и писателю Юрьё Кокко. Фото: © Maarit Kyöstilä

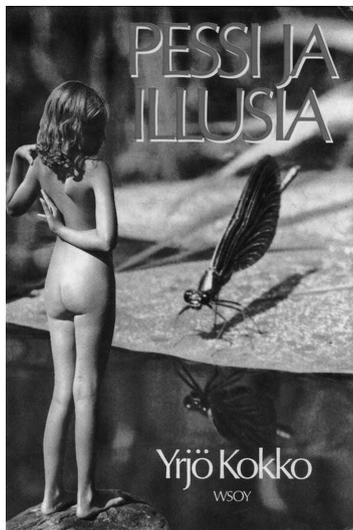
(*Sinuhe egyptiläinen*, 1945), для которого характерны аллегория, побег в прошлое, атмосфера приключения, смирение с неизбежным и разочарование в националистическом идеализме Финляндии периода Второй мировой войны. Писатели начинают анализировать военные события и вызванный ими социальный слом, происходит крах восторженного изображения действительности, свойственного 1920–1930 гг.

Можно выделить следующие коды финской прозы 1940-х гг.:

- актуализация темы смерти;
- частое обращение к эскапистским сюжетам;
- отрицание поражения во Второй мировой войне;
- кризис национальной идентичности.

Большой темой десятилетия является противостояние героического и элегического. Так, в произведении Олави Пааволайнена (1903–1964) «Мрачный монолог» (*Synkkä yksinpuhelu*, 1946), посвященном анализу военных событий и представленному в форме дневника, наблюдается уход от эпического героизма, воспевание одиночества и утешение искусством.

Вторая мировая война уничтожила надежду модернистов на перемены. Никто больше не верил в то, что человек может измениться и стать лучше. Последние иллюзии писателей-модернистов

Обложка первого издания сказки «Песси и Иллюзия» (Хельсинки, WSOY, 1944 г.). На следующей странице: обложки более поздних изданий сказки «Песси и Иллюзия» (WSOY)

рухнули, и они устремили свой взор внутрь себя, сосредоточились на индивидуальном опыте. Вторая мировая война показала, что события в мире могут быть абсолютно иррациональными. Это проявилось и в литературе [Rapatti 2013, s. 176; s. 180]. В Финляндии 1940-е гг. — это время набирающего силу модернизма и уходящего реализма, когда мироощущение «мир меня самого» приходит на смену мироощущению «я и мир». Для модернистской традиции изображения войны в финской литературе характерно отсутствие героизма, пацифизм и метафоричность [Niemi 1999, s. 121].

После выхода романа Вяйнё Линна (1920–1992) «Неизвестный солдат» (*Tuntematon sotilas*, 1954), ставшего новым эпосом финской нации, жанр военного романа в Финляндии был канонизирован и стал носить терапевтический характер: несмотря на потери, финская нация отстояла в войнах XX в. свое право на независимое существование. В XX в. Финляндия пережила четыре войны: гражданская война 1918 г., Зимняя война 1939–1940 гг. (советско-финская война 1939–1940 гг.), советско-финская война-продолжение 1941–1944 гг. и Лапландская война 1944–1945 гг. Войны спровоцировали глубокие кризисы в жизни финского общества. В атмосфере страха и хаоса нации необходимо было определить свою идентичность заново [Rapatti 2013, s. 168].

Феномен сказки «Песси и Иллюзия» заключается в том, что в кризисный военный период Юрьё Кокко создал произведение, воспев-

пее главные ценности финской нации: помимо буржуазного уклада жизни, государственной независимости и национального единства, это прежде всего финская идентичность, которая определяется как крестьянскими традициями, так и лютеранской моралью. Таким образом, можно утверждать, что сказка «Песси и Иллюзия» участвовала в конструировании нации, передавая следующим поколениям национальные символы и мифы. Мир произведения окрашен этими традиционными ценностями, спрос на которые был особенно высок в условиях разрушительной реальности войны [Heikkilä 2013, s. 79].

К концу 1940-х гг. положение финской детской и молодежной литературы постепенно укрепилось. Дети, родившиеся во время войны и сразу после нее, стали теперь объектом особого внимания и даже опеки. В военное время в Финляндии было заключено рекордное количество браков (правда, часть из них распалась). В результате родилось большое количество детей — число новорожденных было одним из самых высоких в Европе, — что стало причиной возникновения так называемых многочисленных возрастных категорий (родившиеся в 1945–1949 гг., более 100 000 новорожденных в год). Рекорд рождаемости пришелся на осень 1945 г., когда в Финляндии в день рождалось в среднем 400 младенцев, в то время как в 2015 г. соответствующий показатель составлял 150 новорожденных [Rölkki 2015].

На появление новой литературной традиции повлияли также практические факторы: старые книжные запасы издательств были из-за большого спроса распроданы [Heikkilä-Halttunen 1999, s. 137].

Ценность детской и молодежной литературы всегда зависела от интереса, проявляемого к ней книжными магазинами, библиотеками, школами и издательствами. В дискуссии, обострившейся в 1950-х гг. и развернувшейся в основном на страницах профессиональных изданий, подчеркивалась важная задача детской и молодежной литературы как средства формирования развивающегося молодого характера. Считалось, что эта литература должна развивать не только языковые компетенции читателя, но и способность детей и молодежи отличать добро от зла [Heikkilä-Halttunen 1999, s. 137].

Дискуссия в периодических изданиях отражала представление о детской и молодежной литературе как о литературе переходного периода. Цели литературного воспитания и руководства чтением были, в первую очередь, коммерческими и устремлялись в будущее. Самой большой угрозой считалось то, что молодежь начнет читать беллетристику и комиксы и совсем забудет ценное национальное культурное и литературное наследие [Heikkilä-Halttunen 1999, s. 137].

В 1940–1950-х гг. компромиссы стали типичным средством в детской и молодежной литературе, позволявшим остаться на плаву в условиях давления со стороны противоречивых требований, предъявляемых чиновниками от литературы. Детской и молодежной литературе предписывалось быть морально безупречной, позитивной по своему духу и выдерживать критику относительно своего стиля. Эти часто взаимоисключающие этические и эстетические требования заставили писателей обратиться к уже проверенным образцам: они писали такие книги, которые публика привыкла читать и раньше. Консервативность, привязка к устаревшим взглядам и художественным приемам были тогда типичными чертами детской и молодежной литературы. Хотя тяга к тому, чтобы придать единообразию всей национальной детской литературе в 1950-х гг. постепенно сошла на нет, благодаря появлению новых жанров и нарративных конвенций, укоренившиеся предрасудки и стремление разработать общий стандарт еще сохранились [Heikkilä-Halttunen 1999, s. 137–138].

В качестве титульной организации, объединяющей финских писателей, создающих детскую и молодежную литературу, а также других деятелей этой отрасли, в 1946 г. было создано первое скандинавское объединение детских и молодежных писателей — Nuorten Kirja ry («Молодежная Книга»). Ее основной целью было

противостояние литературе низкого уровня, возникшей в военные годы как следствие книжного дефицита, спровоцировавшего неразборчивость вкусов читателей, а также повысить престиж детских и молодежных писателей. Самым значительным в деятельности объединения Nuorten Kirja ry стала работа комиссии критиков, которая каждый год присуждала различные литературные премии. Финансируемая издательством WSOY премия Топелиуса, первая награда в области детской и молодежной литературы, была учреждена в 1946 г. Премия имени Рудольфа Койву (финский художник, иллюстратор детских сказок первой половины XX в.), присуждавшаяся иллюстраторам детской литературы до 1983 г., была инициирована Фондом Рудольфа Койву в 1949 [Heikkilä-Halttunen 1999, s. 138].

Государственную премию начали регулярно присуждать деятелям детской и молодежной литературы только начиная с 1969 г. До этого премия в области детской литературы была вручена писателям Юрьё Кокко (1945), Ойва Палохеймо (1910–1973) (1954), Кирси Куннас (род. 1924) (1957) и Туве Янссон (1914–2001) (1963). Область художественной литературы брала под свою опеку при вручении государственных премий только тех писателей, которые ранее уже получили известность как авторы, пишущие для взрослых, или добились выдающихся результатов в других видах искусства, как Туве Янссон. Поэтому литература для детей и молодежи разделилась довольно заметно на литературу первого и второго класса. Премии, присуждаемые объединением Nuorten Kirja ry оттеснили, возможно вопреки первоначальным планам, традиционную детскую и молодежную литературу на периферию художественной литературы [Heikkilä-Halttunen 1999, s. 139].

Начиная с 1980-х гг. уже можно говорить о собственной эстетике детской и молодежной литературы Финляндии. Часть финской детской и молодежной литературы быстро достигает престижного положения. Большая часть по-прежнему остается вне литературной дискуссии, но, однако, держится на плаву благодаря большой и верной читательской аудитории. Формальное и публичное одобрение детской и молодежной литературы как равноправной части художественной литературы датируется 1997 г., когда Книжный фонд Финляндии (Suomen Kirjasäätiö) учредил литературную премию Finlandia Junior [Heikkilä-Halttunen 1999, s. 147].

Примечания

¹ «Лотта Свярд» (швед., фин. Lotta Svärd) — женская военизированная организация в Финляндии, существовавшая в период с 1919 по 1944 гг.

² Здесь и далее перевод фрагментов произведения «Pessi ja Illusia» выполнен автором статьи.

Источники

Kokko Y. Pessi ja Illusia. Helsinki: WSOY, 2002.

Kokko Y. Sota ja satu. Porvoo: WSOY, 1964.

Исследования

Heikkilä A. Luonnollinen yhteiskunta. Yrjö Kokon satu *Pessi ja Illusia* yhteiskuntakuvauskseenä. Электронный ресурс: http://epublications.uef.fi/pub/urn_nbn_fi_uef-20130332/urn_nbn_fi_uef-20130332.pdf (Дата обращения: 19.02.2016)

Heikkilä-Halttunen P. Lasten- ja nuortenkirjallisuuden kehitys // Suomen kirjallisuushistoria 3. Rintamakirjeistä tietoverkkoihin. Toim. Pertti Lassila. Helsinki: SKS, 1999. S. 133–147.

Karjalainen T. Tove Jansson. Tee työtä ja rakasta. Helsinki: Tammi, 2013.

Korhonen A. Pessi ja Illusia. Электронный ресурс: <http://yle.fi/vintti/yle.fi/sininenlaulu/yle.fi/teema/sininenlaulu/artikkeli.php-id=186&print=true.htm> (Дата обращения: 19.02.2016)

Lassila P. Kirjallisuus sodassa ja kulttuuritaistelussa // Suomen kirjallisuushistoria 3. Rintamakirjeistä tietoverkkoihin. Toim. Pertti Lassila. Helsinki: SKS, 1999. S. 8–38.

Niemi J. Sotakirjallisuus, sen traditio ja muutos // Suomen kirjallisuushistoria 3. Rintamakirjeistä tietoverkkoihin. Toim. Pertti Lassila. Helsinki: SKS, 1999. S. 118–126.

Pilke H. Etulinjan kynämiehet. Suomalaisen sotakirjallisuuden kustantaminen ja ennakkosensuuri kirjojen julkaisutoiminnan sääntelijänä 1939–1944. Helsinki: SKS, 2009.

Pölkki M. Ennätysmäärä suomalaisia täyttää syyskuussa 70 vuotta // Helsingin Sanomat 15.09.2015.

Rapatti K. Kotilainen, Lari ym. Tekstitaituri 9. Äidinkieli ja kirjallisuus. Helsinki: Sanoma Pro, 2013.

Saukkoriipi S. Yrjö Kokko, osa luontoa // Pohjois-Suomen kirjallisuushistoria. Toim. Sinikka Carlsson — Liisi Huhtala ym. Helsinki: SKS, 2010. S. 138–140.